Алексей Апполонов

Классификация религий у Роджера Бэкона

ВОПРОС о происхождении религии (религий) волновал человечество всегда — по крайней мере, с тех пор, когда постановка этой проблемы стала возможной в принципе. Если говорить о европейской традиции, то уже досократики начали задаваться вопросом об источнике религиозных представлений (здесь достаточно вспомнить, например, Ксенофана из Колофона или Демокрита из Абдер). Иногда размышления на эту тему влекли за собой попытки сопоставления разных религиозных традиций — как правило, либо для того, чтобы лучше понять свою собственную религию, либо для того, чтобы обнаружить некие общие элементы, или принципы, лежащие в основе любых религиозных представлений. Многие античные мыслители были убеждены, что существует единая, в некотором смысле — «естественная», религия, которая, правда, принимает различные формы в разных странах и в разные исторические эпохи. Эту идею можно проиллюстрировать следующими словами Секста Эмпирика: «Все люди имеют понятие о них [т. е. о богах], но неодинаковое. Персы, например, обожествляют огонь, египтяне — воду, и среди других народов — каждый что-нибудь подобное… [Но] все люди имеют общее представление о боге, по которому это есть некое живое существо, блаженное, нетленное и совершенное в блаженстве, не приемлющее никакого зла»[1].

Кроме того, греко-римская Античность вполне осознавала, что разные религиозные традиции могут заимствовать друг у друга определенные элементы: таким образом, что одна может быть — в некотором отношении — источником другой. Так, «отец истории» Геродот обнаруживал истоки греческой религии и мифологии в религии египтян, отождествляя Зевса и

[1] *Секст Эмпирик.* Сочинения. М., 1975. Т. 1. С. 249.

Амона, Диониса и Осириса, Пта и Гефеста и т. д. По его мнению, «почти все имена эллинских богов происходят из Египта», и, кроме того, греки позаимствовали у египтян многие относящиеся к религии обычаи[2]. Конечно, мы не найдем в Античности сравнительный анализ религий в духе Макса Мюллера, но, тем не менее, следует признать, что идея о том, что разные религиозные традиции могут содержать нечто общее, равно как и идея о существовании генетических связей между религиями были знакомы античным мыслителям.

Следующий шаг сделали уже христианские авторы: они начали классифицировать религиозные традиции. Эти классификации (проводившиеся обычно в рамках трактатов о ересях), конечно, еще не носили научного характера. Так, например, довольно часто они сводились к дихотомии «религия истинного Бога» / «религия ложных богов» и опирались не столько на эмпирический материал, сколько на сведения, почерпнутые из христианских священных текстов[3]. Кроме того, можно отметить, что проведение подобных классификаций было обусловлено отнюдь не стремлением к достижению научной истины, а необходимостью вести полемику с иноверцами и осуществлять миссионерскую деятельность в их среде. Поэтому интерес христианских теологов к иным религиям и собственно христианским ересям не был постоянным (он усиливался в ситуациях, когда возникала вышеназванная необходимость, и практически сходил на нет в более спокойные для Церкви времена), а исследования чуждых религиозных традиций особой глубиной не отличались[4].

На этом фоне весьма оригинальным и неожиданным кажется исследование религий, предпринятое Роджером Бэконом (1214 / 22 — ок.

---

[2] *Геродот*. История. Л., 1972. С. 96.

[3] В этом отношении показательной может быть идея о «варварской религии», которая, согласно Иоанну Дамаскину, «продолжалась от дней Адама до десятого рода, до времен Ноя» (Иоанн Дамаскин. Источник знания. СПб., 2006. С. 77).

[4] Впрочем, следует отметить, что некоторые христианские теологи приходили к довольно интересным (и вполне корректным) выводам, например, о связи отдельных христианских ересей с восточными религиозными традициями и античной философией («эллинскими ересями», согласно определению Иоанна Дамаскина).

1292) в середине XIII в. Начать с того, что у Бэкона отправным пунктом для «сравнитель-ного анализа» религиозных традиций становится формулирование принципов своего рода «естественной религии» (т. е. некоего минимума религиозных представ-лений, который, по его мнению, обнаруживается у всех народов). Согласно Бэкону, все люди обладают врожденным знанием о существовании Бога[5], хотя это знание и затемнено как первородным грехом, так и личными грехами индивидов[6] (именно потому некоторые народы «воображают, что существует много богов, или обожествляют звезды или вещи подлунного мира»[7]). Далее, все люди поклоняются Богу (или богам) в соответствии с тем, как они Его (их) себе представляют. Еще одним принципом «естественной религии» является вера в бессмертие души: «Все религиозные учения (sectae) вселяют надежду на другую жизнь»[8]. Наконец — и это, надо сказать, не слишком уж характерный для средневекового христианского теолога вывод, — Бэкон утверждает, что все народы верят, что их религии основываются на божественном откровении: «Все верят, что получили свои учения (sectae) через откровение… Ведь любой, кто предлагает свое учение, ссылается на божественный авторитет, чтобы ему больше верили»[9].

Названные положения этой «естественной религии» образуют своего рода систему координат, в рамках которой Бэкон классифицирует религии, во-первых, secundum diversitates finium (т. е. сообразно тому, чтó та или иная религия полагает в качестве цели (смысла) существования человека), и, во-вторых, secundum usum gentium (т. е. сообразно различию религиозных

[5] «Знание Бога — о том, что Он существует — присуще [людям] по природе» (The Opus Maius of Roger Bacon / Ed. Bridges J. H. Oxford, 1879 – 1900, Vol. 2. P. 375).
[6] «Естественное знание о Боге, которым обладает любой человек, слабо, а грехи, которые есть у каждого, ослабляют его еще больше: ведь грех затемняет душу, особенно в том, что касается [знания] о божественном» (Ibid.).
[7] Ibid. P. 376.
[8] Ibid. P. 381.
[9] Ibid. P. 385.

традиций у разных народов[10]). Кроме того, Бэкон предлагает еще и третью классификацию: secundum viam astronomiae (т. е. сообразно тому, как небесные тела могут влиять на приверженность некоего народа той или иной вере); однако эта классификация связана не столько с «естественной религией», сколько со средневековыми астрологическими представлениями.

Что касается классификации secundum diversitates finium, то ключевым для нее становится различие представлений о загробной жизни, которое Бэкон увязывает также с различием узаконенных социальных практик у разных народов. Надо сказать, что хотя эта связь постулируется, ее характер Бэкон полностью не разъясняет[11]. Он начинает с того, что каждое человеческое сообщество руководствуется определен-ными законами, которые могут быть как благими, так и губительными — сообразно тем це-лям, которые эти законы формулируют и навязывают отдельным членам сообщества в виде жизненных ориентиров. При этом губительных целей Бэкон, ссылаясь на Аристотеля[12], насчитывает четыре: плотское удовольствие, богатство, могущество и слава (они могут быть даны в законе как в виде единственной основной цели, так и в определенном смешении друг с другом). Однако, помимо целей, которое сообщество ставит перед собой «здесь и сейчас» (вне зависимости от того, благие эти цели или губительные), существует и еще одна цель, к которой, согласно Бэкону, стремится любой человек: это достижение загробного блаженства. Хотя данная цель является общей для всех людей, представления о ней разнятся у разных народов, ибо, как пишет Бэкон, «одни рассматривают это блаженство

[10] Следует отметить, что термин «natio», народ, Бэкон обычно использует для обозначения не этнической общности, но общности, объединенной религиозным «законом» (lex), а потому говорит о христианском, иудейском и т. д. народах.

[11] В конечном счете, остается непонятным, что именно первично — представления о загробной жизни или узаконенные социальные практики. Впрочем, весьма вероятно, что Бэкон не считал, что между первым и вторым существует причинно-следственная связь, и рассматривал их как два элемента единого религиозного «закона».

[12] Вернее, Бэкон пользуется аверроистской интерпретацией Аристотеля, представленной в комментарии Ибн Рушда к «Никомаховой Этике». Кроме того, он ссылается на Аль-Фараби, в творчестве которого также можно увидеть один из источников рассматриваемой здесь концепции Бэкона. См., напр., Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1972. С. 323 – 324.

как удовольствие телесное, другие — как наслаждение духовное, а третьи — как то и другое»[13].

Так, чистые язычники (Pagani puri), к которым Бэкон относит пруссов и (территориально) близкие к ним народы, в земной жизни стремятся, по его мнению, к плотским удовольствиям, богатству и почестям, а потому того же желают себе и в жизни будущей. Именно поэтому они «имеют обычай публичного сожжения мертвых вместе с драгоценными камнями, золотом, серебром, слугами, семьей, друзьями, всеми богатствами и благами, надеясь, что смогут наслаждаться всем этим после смерти»[14].

Идолопоклонники (Idolatriae), под которыми Бэкон, судя по всему, подразумевал буддистов и индуистов, тоже любят блага этого мира и тоже надеются обрести их в грядущей жизни. Поэтому их «закон» не только не запрещает, но, наоборот, поощряет накопление материальных ценностей, и, как говорит Бэкон, «никто из идолопоклонников даже не помышляет о духовных благах»[15]. Правда, их жрецы практикуют аскезу и воздержание (здесь английский философ ссылается на религиозные традиции «восточных стран, находящихся на экваторе»), но делают это лишь для того, чтобы получить материальные и чувственные блага в иной жизни.

Далее Бэкон рассматривает «секту татар». Тот факт, что Бэкон не считал татар (вернее, монголов) идолопоклонниками или язычниками, был обусловлен следующим обстоятельством. О монголах и их религии Бэкон знал из сообщений францисканцев-миссионеров де Рубрука и де Плано Карпини, один из которых оставил следующее свидетельство: «Татары веруют в Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако не чтут его молитвами или восхвалениями или каким-либо обрядом… Сверх того они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле,

[13] The Opus Maius of Roger Bacon. Vol. 2. P. 367.
[14] Ibid. P. 369.
[15] Ibid.

посвящая им начатки пищи и пития»[16]. Как представляется, это (или подобное) описание (независимо от того, являлось оно истинным или нет) смутило Бэкона, и он не смог однозначно идентифицировать религию татар ни как многобожие, ни как единобожие, а потому выделил в особую «переходную» религию. Впрочем, она хорошо вписалась в общую схему Бэкона: согласно ему, татары одержимы жаждой власти и могущества и считают, что их император (великий хан) должен быть единственным правителем всего мира — так же как на небесах может быть только один Бог.

Исламу в этой схеме достается место религиозного закона, «испорченного» плотским влечением: Бэкон вспоминает как об обетовании чувственных наслаждений в раю, так и о многоженстве, разрешаемом мусульманской религией в земной жизни. В связи с этим ислам (наряду с идолопоклонством, язычеством и «законом татар») оказывается, согласно Бэкону, среди тех религий, которые обещают в иной жизни только земные, материальные и телесные блага.

Иначе обстоит дело с иудаизмом и христианством, хотя между ними и имеются существенные различия. Иудейский закон, считает Бэкон, заповедует стремление не только к материальным, но и к духовным благам, однако только те из иудеев, которые трактуют свой закон духовно (spiritualiter), желают себе как телесных, так и духовных благ; большинство же, напротив, толкует закон буквально, а потому желает только телесных благ — как в этой жизни, так и в жизни грядущей. Что же касается христиан, то они, в соответствии со своим законом, «соотносят духовное с духовным» (1 Кор 2, 13), а потому стремятся к духовным благам в земной жизни (обладание же телесными благами не является самоцелью: христианин должен владеть только необходимым их количеством и только «по причине бренности человеческой плоти»). Впрочем, отмечает Бэкон, христиане войдут в грядущую жизнь как духовно, так и телесно (хотя тело праведников

[16] *Де Плано Карпини И.* История Монголов. СПб., 1911. С. 7 – 8.

после воскресения будет прославленным телом — согласно словам апостола (1 Кор 15, 44) о том, что «сеется тело душевное, восстает тело духовное»).

Таким образом, исходя из принципа различия целей, Бэкон заключает: «Я перечислил основные народы, у которых различаются религиозные учения (sectae), распространенные ныне в мире, и они таковы: язычники, идолопоклонники, татары, мусульмане, иудеи и христиане. И никаких других значительных религиозных учений нет и уже не будет, вплоть до возникновения учения антихриста»[17].

Что касается второй классификации религий, secundum usum gentium, то здесь основанием классификации становится объем знаний различных народов о Боге; при этом религией, обладающей наиболее полным знанием, является, естественно, христианство. Соответственно, в этой схеме Бэкона на низшей ступени находится язычество. Язычники «меньше всего знают о Боге, не имеют священников, но любой из них, по собственному усмотрению, измышляет (fingit) себе бога, поклоняется, чему хочет, и совершает жертвоприношения, когда хочет»[18]. Кроме того, у язычников нет «закона», т. е. писаного свода правил, относящихся к общественной жизни (в т. ч. и к религии), и поэтому они живут исключительно в соответствии с неписаным обычаем (consuetudo). Несколько выше располагается идолопоклонство: идолопоклонники имеют священнослужителей и места для религиозных собраний, определенные молитвы и жертвоприношения; кроме того, они признают многих богов, но ни один из них не является всемогущим. Татары уже знают о всемогущем Боге, но при этом у них сохраняются пережитки идолопоклонства и язычества: поскольку они почитают небесные тела, огонь и порог дома. И в этом отношении, отмечает Бэкон, татары весьма дики (sunt brutales multum). Еще выше находится иудаизм, поскольку иудеи больше всех знают о Боге благодаря своему богооткровенному закону; кроме того, они обоснованно ожидали Мессию

[17] The Opus Maius of Roger Bacon. Vol. 2. P. 367.
[18] Ibid. P. 370.

(впрочем, неприятие иудеями Христа девальвирует это последнее обстоятельство). Наконец, на вершине этой своеобразной табели о рангах располагается христианство, которое истолковывает иудейский закон духовно и потому — должным образом. При этом — весьма неожиданно, если принять во внимание сказанное ранее — Бэкон, не упомянув об исламе[19], переходит к религии антихриста, которая еще грядет и которая «временно одолеет все прочие законы», кроме разве что избранной группы христиан (которая, однако, будет весьма немногочисленной из-за гонений, которые обрушатся на ее приверженцев при воцарении антихриста).

Итак, заключает Бэкон, «согласно такому делению имеется шесть законов (leges) — как и согласно предшествующему делению, которое было основано на [различии стремлений] к вожделению, богатству, почестям, власти, славе и к блаженству иной жизни, при пренебрежении этими временными благами»[20].

Наконец, третья классификации религий, secundum viam astronomiae, как уже отмечалось выше, слабо связана с идеями английского философа о «естественной религии», зато имеет непосредственное отношение к средневековым астрологическим представлениям и т. н. «гороскопу религий» (что касается последнего, то здесь основным источником для Бэкона был известный арабский астроном и астролог Абу Машар)[21]. Точка зрения,

---

[19] Необходимо отметить, что в параллельном месте «Opus Tertium» Бэкон пишет, что «народов, которые заметно различаются по своим религиозным обычаям (ritus), суть шесть: язычники, идолопоклонники, татары, сарацины, иудеи и христиане» (Un fragment inédit de l'Opus Tertium de Roger Bacon. Quaraccchi, 1909. P. 168). По всей видимости, замена ислама на «религию антихриста» в тексте «Opus Maius» объясняется тем, что Бэкон колебался при ответе на вопрос, какие именно религии входят в число основных. Эти колебания, в свою очередь, были вызваны, вероятно, тем, что число основных религий он увязывал с числом планетарных конъюнкций, каковых насчитывал шесть, а конъюнкцию Луны и Юпитера рассматривал как определяющую для «закона антихриста».

[20] The Opus Maius of Roger Bacon. Vol. 2. P. 371.

[21] Абу Машар Джафар ибн Мухаммад ибн Умар аль-Балкхи (787–886), известный на латинском Западе как Альбумазар, выдвинул идею о том, что астрология может давать предсказания о грядущей судьбе не только отдельных людей или человеческих сообществ, но и религий. Согласно Жану Бодену, «Альбумазар был настолько гнусен, что посмел установить пределы для религий сообразно небесным влияниям и утверждал, что

сообразно которой физические изменения, имеющие место на Земле, так или иначе обусловливаются движением небесных тел, не была для Средневековья чем-то необычным; скорее, наоборот. Однако Бэкон шел значительно дальше: по его мнению, «сведущий астролог может с пользой исследовать многое из того, что относится к нравам, законам, религиозным учениям (sectae), войне и миру и т. д.»[22] Определенные положения небесных тел «имеют значение для мудрости и разумения, для толкования сновидений, для культа божественной веры и учения закона, для благочестия и религии, для страха Божия и нравственности и т. д.»[23] Именно поэтому астрология важна для подтверждения истинности христианской религии, а также для доказательства ее прочности и жизнеспособности (stabilitas).

Исходя из этого, Бэкон утверждал, что всего в мире имеется шесть основных религий, соответствующих шести известным планетам[24], которые, сообразно своим конъюнкциям[25] с Юпитером, «склоняют людей к принятию законов либо всегда, либо в большинстве случаев, либо так, что закон воспринимается с большей охотой»[26]. И поскольку планет, образующих конъюнкции, именно шесть, то «большего числа религиозных учений (sectae) быть не может»[27]. Помимо собственно числа религий, планеты определяют также и некоторые их характеристики. Например, жестокость татарского «закона» объясняется влиянием Марса — ведь, как говорит Бэкон, татары поклоняются огню и ведут войны, а также у них отсутствует философия. При этом то обстоятельство, что некоторые из татар склонялись к принятию

христианская религия придет к своему концу в 1460 г.» (Bodin J. On the Demon-Mania of Witches. Toronto: Victoria University Press, 1995. P. 81).

[22] The Opus Maius of Roger Bacon. Vol. 1. P. 251

[23] Ibid. P. 254.

[24] Согласно средневековым представлениям, всего планет семь: Меркурий, Венера, Марс, Сатурн, Юпитер, Луна, Солнце.

[25] В астрологии «соединение», или «коньюнкция», — один из основных аспектов (под «аспектом» подразумевается дуга определенной величины, соединяющая два элемента гороскопа (как правило, планеты), откладываемая вдоль эклиптики и измеряемая в градусах). Конъюнкция подразумевает расположение планет в непосредственном . соседстве друг с другом (дуга 0°).

[26] The Opus Maius of Roger Bacon. Vol. 2. P. 371.

[27] Ibid.

христианства, Бэкон приписывал влиянию Меркурия: именно благодаря ему татары «позволяют своим детям воспитываться на Евангелии и житиях Отцов, а когда заболевают, зовут христианских священников с крестом и святой водой»[28]. Таким образом, согласно Бэкону, религия язычников и идолопоклонников находится под влиянием Марса и Солнца[29], религия татар — под влиянием Марса, религия мусульман — под влиянием Венеры, религия иудеев — Сатурна, религия христиан — Меркурия. Что касается Луны, то Бэкон связывал ее с «религией антихриста». Показательно, что здесь, как и в случае классификации secundum usum gentium, он проявил определенную непоследовательность: для того, чтобы атрибутировать конъюнкцию Луны и Юпитера «антихристову закону», ему пришлось объединить в одну группу (влияние Марса и Солнца) язычество и идолопоклонство.

Любопытно, что Бэкон не видел в этой своей концепции ничего похожего на всеобщий детерминизм. По его мнению, планеты оказывают влияние не на разумную душу (которая «никоим образом не может быть принуждена к чему-либо»[30]), но исключительно на тело, от изменения состояния которого, впрочем, сильно (multum) зависят «науки, нравы и законы»[31]. Эта идея, однако, выглядит несколько лукаво, поскольку если влияние небесных тел склоняет человека к чему-либо «или всегда, или в большинстве случаев», то для свободы воли остается немного места, а если склоняет «в меньшинстве» случаев, тогда предсказательная ценность астрологии становится весьма сомнительной.

Как в целом можно охарактеризовать исследование религий, которое предпринял Бэкон? Прежде всего, надо отметить, что цели, которые он

---

[28] Ibid. P. 372.
[29] Окончательной ясности здесь у Бэкона нет. Так, он пишет, что «религиозные учения (sectae) язычников и идолопоклонников сводятся к религии Марса и к египетской [религии], которая заключается в поклонении Солнцу как предводителю небесного воинства» (Ibid.).
[30] Ibid. P. 371.
[31] Ibid.

преследовал, были сугубо апологетическими и миссионерскими, что не могло не наложить свой отпечаток на общий ход его рассуждения. Так, например, вычленение принципов «естественной религии», равно как и распределение религий по рангам сообразно их близости к христианству, является, в конечном счете, лишь инструментом для достижения главной цели: для доказательства того, что христианство является единственной истинной религией и должно быть принято всеми народами. Поэтому все представленные выше классификации суть не конечный результат специального, так сказать, «независимого» исследования, но исходные посылки указанного доказательства, встроенные в общий теологический контекст. И это предопределяет очевидные недостатки бэконовских классифи-каций (например, неизбежное их тяготение к слишком простой и заранее принятой автором дихотомии «религия истинного Бога» / «религия ложных богов»).

Тем не менее необходимо отметить следующее обстоятельство. Независимо от целей, которые ставит перед собой Бэкон, его исследование «естественной религии», равно как и попытки классифицировать исторические религии имели место в рамках «моральной философии», которая хоть и близка к теологии, но вовсе не тождественна с ней[32]. С одной стороны, Бэкон (как уже было отмечено выше) вполне следует известной формуле «философия — служанка теологии». Однако, с другой стороны, когда он пишет, что «философия предшествует религиозному учению (secta) и на нем завершается, а также располагает к нему при помощи сходных

[32] Согласно Бэкону, «моральной и гражданской называется та практическая наука, которая упорядочивает человека по отношению к Богу, ближнему и к себе самому, а также доказывает [истинность] этого упорядочения и действенно побуждает и увлекает нас к нему. И эта наука повествует о спасении человека благодаря добродетели и об обретении счастья, и она содействует этому спасению, насколько это возможно для философии… Равным образом, только эта (или преимущественно эта) наука имеет дело с тем же, что и теология, поскольку только теология рассматривает [действия человека по отношению к Богу, к ближнему и к самому себе, а также загробное блаженство и наказание], хотя и иначе, а именно в соотнесении с верой Христовой» (Ibid. P. 223 – 234).

истин и его исследует (курсив мой — А. А.)»[33], он — парадоксальным образом — исходит из автономности философского знания и, более того, предполагает возможность рационального исследования различных религиозных традиций. Поэтому неслучайно Бэкон ссылается на философов (прежде всего на Аристотеля), которые, «обозревая законы различных государств и стран, а также цели этих законов»[34], стремились найти наилучший «закон». В этом горизонте христианство оказывается одной из существующих религий (хотя и единственно истинной), а потому может сопоставляться и сравниваться с ними при помощи рационального инструментария философии[35].

Нельзя не отметить также довольно смутного, но все же историзма, который характеризует бэконовское исследование религий. Сама идея «гороскопа религий», согласно которому религии возникают, развиваются и исчезают, неслучайно вызывала жесткую критику со стороны ортодоксальных теологов. Несмотря на всю ненаучность, даже нелепость подобного рода гороскопов (которые, благодаря в т. ч. и Бэкону, стали довольно популярны в XIV в.), они исподволь вводили принципы исторического мышления и ставили под сомнение ортодоксальную идею о вневременности и неизменности религии. Таким образом, если оставить в стороне общую теологическую ориентацию творчества Бэкона, нельзя не заметить, что уже им были заложены принципы рационалистической критики («критики» — в смысле «объективного научного исследования») религии, которыми впоследствии активно пользовались мыслители эпохи Просвещения.

---

[33] Un fragment inédit de l'Opus Tertium de Roger Bacon. P. 174

[34] Ibid. P. 164.

[35] Надо сказать, что иногда Бэкон заходил в своем рационализме весьма далеко. Например, он пишет, что всерьез можно рассматривать только «законы Христа, Моисея и Магомета», поскольку они лучше всех остальных согласуются с разумом (sunt magis rationabiles)» (Ibid. P. 173). Это именно тот случай, когда, если можно так выразиться, философия из служанки теологии внезапно становится ее судьей.

Наконец, нельзя не сказать о том, что в некоторых отношениях бэконовское исследование религий выглядит вполне современно. Например, у него присутствует подразделение религий сообразно таким факторам, как многобожие / единобожие, наличие / отсутствие священства, наличие / отсутствие священных текстов, наличие / отсутствие мест публичного богослужения и т. д. Говоря о «религии язычников», Бэкон вполне корректно замечает, что «язычники поклоняются любовью тому, что кажется им полезным (например, Солнцу, Луне, животным, деревьям, огню, воде и т. д.), а страхом они поклоняются тому, что их пугает»[36]. Или, например, трудно не согласиться с утверждением Бэкона о том, что любой религиозный «закон» (по крайней мере, это касается тех «законов», о которых он упоминает) ссылается на трансцендентную реальность как на источник своей легитимности.

[36] The Opus Maius of Roger Bacon. Vol. 2, P. 372.

Библиография

Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1972.

Геродот. История. Л., 1972.

Де Плано Карпини И. История Монголов. СПб., 1911.

Иоанн Дамаскин. Источник знания. СПб., 2006.

Секст Эмпирик. Сочинения. М., 1975. Т. 1.

Bodin J. On the Demon-Mania of Witches. Toronto: Victoria University Press, 1995.

The Opus Maius of Roger Bacon / Ed. Bridges J. H. Oxford, 1879 – 1900, Vol. 1 – 2.

Un fragment inédit de l'Opus Tertium de Roger Bacon. Quaraccchi, 1909.